

Библиотека „СВѢТОЧА“

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. А. Венгерова.

№.№. 33—34

Серія „Соціологи и Утописти“ № 1.

Проф. Н. И. Карѣевъ.

ТЕОРІЯ ЛИЧНОСТИ

П. Л. Лаврова.

Съ фототипическимъ портретомъ Лаврова.

Цена 30 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1907.

бы преданія, какъ въ Китаѣ ¹⁾). Съ другой стороны, „возможно полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами“, котораго требуетъ Михайловскій, ограничивается неустранимымъ *различіемъ* индивидуумовъ при рожденіи и стремленіемъ современной педагогики не къ нивелированію личностей, а къ развитію *сообразно ихъ способностямъ и особенностямъ*, что не унижаетъ общаго человѣческаго достоинства. Во всѣхъ специализующихъ качествахъ человѣкъ находитъ удовольствіе именно потому, что онъ въ нихъ специалистъ, и общество доставляетъ человѣку удовольствіе, а себѣ пользу, ставя своего члена въ такое положеніе, гдѣ бы онъ могъ вполне развить свои спеціальныя особенности, наилучшимъ образомъ приложить ихъ ²⁾). Одно только: эта спеціализація не должна вредить и препятствовать развитію того, что Лавровъ обозначаетъ, какъ „общечеловѣческія способности“. Поэтому вторую половину формулы Михайловскаго онъ совѣтовалъ измѣнить, поставивъ идеальнымъ требованіемъ „не возможно меньшее“, а „справедливѣйшее раздѣленіе труда между людьми“ ³⁾.

Вообще, Лавровъ былъ противникомъ органической теоріи общества, при томъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, среди которыхъ видную роль игралъ и его принципъ личности. Онъ не занимался вплотную, какъ Михайловскій, критической разработкой этого ученія, оказавшаго вообще большое вліяніе на соціологическое мышленіе Михайловскаго, и біологическія соображенія, которыя Лавровъ въ семидесятыхъ годахъ сталъ вносить въ свои соціологическія изслѣдованія, шли изъ другого источника, — не изъ органической теоріи общества, пользовавшейся біологической аналогіей, а изъ дарвинизма. Какъ соціолога, постоянно интересовавшагося теоріей личности, Лаврова особенно привлекалъ вопросъ о развитіи въ животной особи—индивидуальности съ высшими ея духовными проявленіями, находящими свое завершеніе въ критически мыслящей личности. Далѣе, какъ соціологъ, ставившій свою науку на широкую основу біологіи и антропологии, Лавровъ не могъ не заинтересоваться вопросомъ объ эволюціи общества отъ первыхъ его зачатковъ въ жи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 235.

²⁾ Тамъ же, стр. 250.

³⁾ Тамъ же, стр. 252.

вотномъ мірѣ и самыхъ раннихъ общественныхъ организацій у дикаго еще человѣка до современной цивилизаціи, а такъ какъ и при изслѣдованіи этого вопроса его не покидала мысль о теоріи личности, то, разсматривая и эволюцію общества, онъ неуклонно слѣдилъ за тѣмъ, какъ постепенно развивались взаимныя отношенія отдѣльной особи и окружающаго ее общества и какъ происходило постепенное выдѣленіе индивидуальной самобытности изъ всеуравнивающей соціальной среды. Въ первый періодъ своей дѣятельности Лавровъ пользовался понятіемъ личности, сложившимся на почвѣ наблюденій изъ міра высшихъ проявленій человѣческаго духа на поприщахъ знанія и творчества. Я сказалъ бы даже, что свою критически мыслящую личность онъ списывалъ съ самого себя и съ тѣхъ мыслителей и дѣятелей, которые стояли на одной съ нимъ ступени умственнаго развитія. Теперь предстояло объяснить, какъ вообще сдѣлалась возможною человѣческая личность, т. е. не только какъ произошло выдѣленіе человѣка изъ зоологическаго міра, но какъ человѣческая особь доразвилась до способности быть личностью и выдѣлиться въ самостоятельную психическую единицу изъ однородной общественной среды. Эти два вопроса придають особый интересъ цѣлому ряду большихъ, серьезно задуманныхъ и съ замѣчательной эрудиціей выполненныхъ работъ, въ которыхъ Лавровъ обобщалъ научный матеріалъ довольно разнообразныхъ категорій — зоологическій и антропологическій, этнографическій и историческій, давая ему философскую, психологическую и соціологическую обработку. Въ новый синтезъ семидесятихъ годовъ вошло и то, что утвердилось въ мысли Лаврова въ шестидесятихъ годахъ по вопросу о природенныхъ свойствахъ человѣческой личности, объ основныхъ ея стремленіяхъ, о переработкѣ и развитіи этихъ стремленій подъ вліяніемъ жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества, о роли личнаго начала въ историческомъ прогрессѣ и т. д. Въ первыхъ трудахъ Лаврова личность выступала на сцену скорѣе, какъ идеаль, долженствующій служить путеводною звѣздой въ жизни, но теперь предстояло объяснить, какимъ образомъ вообще сдѣлались возможными реальныя явленія, отъ которыхъ былъ отвлеченъ этотъ идеаль, т. е. идеаль личности, самостоятельно мыслящей и самостоятельно дѣйствующей въ жизни. Оговоримся, что въ міросозерцаніи

Лаврова эта самостоятельность вовсе не значила, чтобы надъ личностью не было никакого закона, чтобы дѣйствія ея не подчинялись законмѣрной причинности, а чтобы ей все было доступно. Придавая въ своей этикѣ большое значеніе сознанію свободы воли, Лавровъ, конечно, отрицалъ существованіе свободы внѣ сознающаго субъекта, т. е. былъ послѣдовательнымъ детерминистомъ, но въ то же время онъ приписывалъ громадное значеніе и способности личности дѣйствовать по своимъ внутреннимъ побужденіямъ, хотя бы и обусловленнымъ во всѣхъ своихъ элементахъ и сторонахъ, т. е. способности самостоятельно перерабатывать внутри себя идущія извнѣ вліянія. Сама эта способность была въ его глазахъ продуктомъ эволюціи, въ которой все совершалось съ законмѣрностью, въ силу разнообразнаго и сложнаго сочетанія совершенно реальныхъ, естественныхъ причинъ. Такія работы Лаврова, какъ „До человѣка“, „Цивилизація и дикія племена“, „Современныя ученія о нравственности и ея исторія“ и т. п. могутъ разсматриваться, какъ своего рода Bausteine, пользуясь нѣмецкимъ выраженіемъ, для цѣлой генетической теоріи личности и именно теоріи генетической, объясняющей, какъ стала личность тѣмъ, чѣмъ она является на высшихъ ступеняхъ своего развитія въ человѣческомъ мірѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывающей, при какихъ условіяхъ тотъ идеаль личности, который вырастаетъ на почвѣ развитого самосознанія, можетъ быть осуществленъ въ жизни. Это—центральный пунктъ всей философіи Лаврова. Любопытно, что и главную свою работу, которая такъ-таки и осталась неоконченною, онъ посвятилъ исторіи мысли, той самой человѣческой мысли, въ которой видѣлъ и главный результатъ и главное орудіе развитія личности.

Въ своей книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“¹⁾, составляющей третій томъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, я уже разсматривалъ взгляды Лаврова на роль личности въ исторіи, высказанные имъ въ такихъ его работахъ, какъ „Цивилизація и дикія племена“²⁾, „Научныя основы исторіи цивилизаціи“ и „Введеніе въ исторію мысли“³⁾. Эти и другія статьи

¹⁾ Стр. 84—91.

²⁾ „Отѣч. Зап.“ за 1869 г.; нынѣ переиздана отдѣльно.

³⁾ Обѣ послѣднія работы были напечатаны въ журн. „Знаніе“ за 1872 и 1873 гг.; первая изъ нихъ переиздана отдѣльно (1906).

Лаврова и раньше цитировались мною въ первыхъ двухъ томахъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, взгляды которыхъ вообще по многимъ частнымъ пунктамъ отразили въ себѣ вліяніе идей Лаврова. Составляя эту статью, я снова пересмотрѣлъ упомянутыя работы Лаврова и перечиталъ, что было о нихъ написано въ моей книгѣ о „Сущности историческаго процесса“, и считаю нужнымъ все существенное повторить и здѣсь, дополнивъ изложеніе указаніями, заимствованными изъ незатронутой тамъ работы „До человѣка“, которая была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1870 г.

Эта послѣдняя статья имѣетъ своимъ предметомъ, между прочимъ, психическую и социальную эволюцію въ зоологическомъ мірѣ, постепенно подготовившую человѣка (откуда и самое заглавіе статьи), причемъ автора особенно интересуетъ вопросъ о „началѣ работы мысли“. Сравнивая жизнь безпозвоночныхъ и низшихъ разрядовъ позвоночныхъ животныхъ, съ одной стороны, и высшихъ разрядовъ позвоночныхъ, т. е. птицъ и млекопитающихъ, съ другой, Лавровъ пришелъ къ той мысли, что между тѣми и другими существуетъ въ одномъ важномъ отношеніи большая разница. Если вообще во всемъ животномъ мірѣ наблюдается господство инстинктовъ, въ смыслѣ „видовыхъ и родовыхъ обычаевъ“, или „унаслѣдованныхъ органическихъ наклонностей и привычекъ“ ¹⁾, то въ частности у птицъ и млекопитающихъ обнаруживаются уже нѣкоторыя новыя черты, которыя отличаютъ ихъ даже отъ самыхъ развитыхъ безпозвоночныхъ, въ родѣ пчелъ. Эти особенности Лавровъ сводилъ, во-первыхъ, къ „индивидуальной разницѣ въ степени подчиненія инстинктамъ“, во-вторыхъ, къ возможности пріученія, выучки, воспитанія, въ-третьихъ, къ особенности временно соединяться въ большомъ числѣ особей для достиженія определенныхъ цѣлей и „выбирать одну особь изъ многихъ подобныхъ“ при устройствѣ своей семейной жизни ²⁾. Всѣ эти процессы, — говоритъ Лавровъ, — показываютъ въ позвоночныхъ психическіе процессы, уже не количественно, а качественно различающіеся отъ того, что видимъ въ безпозвоночныхъ... Въ спинно-головномъ мозгу позвоночныхъ слѣдуетъ, вѣроятно,

¹⁾ „Отеч. Зап.“, стр. 68.

²⁾ Тамъ же, стр. 79—80.

искать источник той дѣятельности *личной мысли*, которую мы замѣчаемъ въ высшихъ группахъ позвоночныхъ“ ¹⁾). Не приводя здѣсь фактовъ, изъ которыхъ Лавровъ дѣлалъ такой общій выводъ, мы позволимъ себѣ сосредоточить вниманіе читателя именно только на этомъ общемъ выводѣ, который формулируется самимъ авторомъ „До человѣка“ въ такихъ словахъ: „*Работа мысли*—вотъ ступень, достигаемая млекопитающими въ психическомъ развитіи организмовъ“ ²⁾). Понятно, что въ этомъ изслѣдованіи до-человѣческой эволюціи Лавровъ долженъ былъ съ особымъ интересомъ остановиться на разрядѣ человѣкообразныхъ. Касаясь вопроса о психическомъ развитіи обезьянъ, онъ находилъ прежде всего, что достигнутая ими ступень была недостаточно оцѣнена самыми безпристрастными зоологами. Послѣдніе невольно становились на точку зрѣнія пользы или вреда, приносимыхъ тѣми или другими животными человѣку, а съ этой точки зрѣнія быть благосклонными къ обезьянамъ оказывалось труднымъ. Но „если внимательно взвѣсить вины обезьянъ, то эти самыя вины доказываютъ лишь психическую высоту этихъ животныхъ“ ³⁾). Въ укоръ имъ ставятъ какъ-разъ то, что возвышаетъ обезьяну надъ другими млекопитающими и что приближаетъ ее къ человѣку, но „не дозволяетъ ей быть бессмысленнымъ рабомъ его, покорною игрушкою его прихоти“ ⁴⁾). Общая характеристика психического склада обезьянъ, которою оканчивается статья „До человѣка“, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ всей этой работы, но здѣсь Лавровъ еще очень мало останавливается на томъ, что можно, пожалуй, назвать индивидуализмомъ обезьянъ. Эта тема была развита имъ гораздо подробнѣе въ статьѣ „Цивилизація и дикія племена“.

Въ только что названной работѣ есть цѣлая глава, посвященная ‘соціальной жизни животныхъ’ ⁵⁾, имѣющія на нашъ взглядъ, большую важность и въ общей разработкѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 84.

³⁾ Тамъ же, стр. 90.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 91.

⁵⁾ 5. Происхождение общественной связи у животныхъ.— 6. Культура животныхъ.— 14. Общественный элементъ безпозвоночныхъ.— 16. Общественный элементъ позвоночныхъ.

этого предмета ¹⁾). Въ частности Лавровъ остановился здѣсь на вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между особью и социальнымъ пѣлымъ, въ родѣ пчелинаго роя или обезьяняга стада. Общежитія безпозвоночныхъ онъ характеризуетъ господствомъ въ нихъ „строгаго преданія и неумолимой привычки уже въ удовлетвореніи потребностей“, отсутствіемъ даже „самомалѣйшаго протеста“ ²⁾). Разъ новая особь является на свѣтъ въ извѣстной общественной средѣ, то самое существованіе послѣдней уже предполагаетъ, что она, среда эта, представляетъ все нужное для самаго существованія данной особи, которой потому и останется лишь пользоваться услугами общественнаго быта, передавая его неизмѣннымъ новымъ особямъ ³⁾). Правда, и пчелы, и муравьи должны были измѣнить свои привычки (безъ этого онѣ и не выработались бы и не достигли бы современнаго состоянія), но „тѣ немногіе случаи, которые были наблюдаемы въ этой сферѣ явленій, указываютъ не на борьбу одной или нѣсколькихъ особей съ общественнымъ строемъ“, а на дѣйствіе общихъ причинъ, лежащихъ въ измѣненіи условій существованія ⁴⁾). Наоборотъ, въ общежитіяхъ позвоночныхъ обнаруживается уже „господство индивидуальнаго побужденія надъ общественнымъ строемъ, надъ обычаемъ“, т.-е. позвоночныя животныя относятся къ общественной жизни какъ къ средству, не отдавая ей себя совсѣмъ, какъ это наблюдается у муравьевъ и пчелъ ⁵⁾). Въ этомъ и связанныхъ съ этимъ явленіяхъ выбора и уклоненія отъ данной нормы Лавровъ видитъ положительное „умственное преимущество позвоночныхъ“. „Личная мысль,—прибавляетъ онъ,—и ея вліяніе на измѣненіе обычая—вотъ важный элементъ общественности, появляющійся среди позвоночныхъ“ ⁶⁾).

¹⁾ Въ книгѣ „Введеніе въ социологію“ (стр. 78—79) мы указали, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается научное достоинство этой статьи.

²⁾ Отеч. Зап., стр. 296.

³⁾ Тамъ же, стр. 297.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 300.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 301.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 302. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: въ обществахъ безпозвоночныхъ „особи еще не личности, а потому общежительный законъ не допускаетъ исключеній и не можетъ ихъ допустить“. „До человѣка“, стр. 74.

Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго Лавровымъ сравненія между людскими и животными общежитіями вытекаетъ, что и въ тѣхъ, и въ другихъ можетъ царить рутинность, но чѣмъ выше стоитъ особь на лѣстницѣ органическаго развитія, тѣмъ менѣе она способна подчиниться безусловному господству рутинны. „Когда однажды, — говоритъ онъ, — новое существо является въ жизнь, въ общество опредѣленнаго строя, уже самое существованіе среды, въ которой это существо явилось, предполагаетъ, что есть средства удовлетворить потребностямъ его организаци, что есть преданіе для ихъ удовлетворенія, что ему могутъ сообщить рутинную технику, назначенную для этой цѣли, и что новое существо найдетъ цѣлую систему привычныхъ потребностей, привычныхъ соображеній, привычныхъ пріемовъ жизни, привычнаго общественнаго строя. Сдѣлавшись органомъ этого строя, это существо будетъ передавать всю эту привычную систему новымъ существамъ, и ничто не мѣшаетъ подобнымъ процессамъ повторяться неопредѣленно длинное количество времени, переходя отъ одного поколѣнія къ другому“. Это соображеніе, — продолжаетъ онъ, — совершенно одинаково приложимо къ государству насѣкомыхъ, какъ и къ бѣдной жизни какого-нибудь племени островитянъ или къ разнообразнымъ явленіямъ жизни государства, имѣющаго сложное законодательство, обширную промышленность, великолѣпное богослуженіе, даже обширную литературу ¹⁾). Такимъ образомъ, и въ человѣческой цивилизаціи есть элементы, допускающіе окоченѣніе. „Формы общественной жизни, — говоритъ еще Лавровъ, — насколько онѣ получаютъ по преданію и передаются по привычкѣ, отличаются отъ строя животной жизни лишь по сложности, а не по существеннымъ признакамъ. Человѣческій муравейникъ можетъ обладать администраціей, законодательствомъ, промышленностью, искусствомъ, религіей, даже въ извѣстной степени наукою и оставаться не болѣе, какъ человѣческимъ муравейникомъ“. Къ счастью, однако, „до сихъ поръ не встрѣчалось въ обществахъ, достигшихъ извѣстной степени развитія, примѣровъ полнаго и окончательнаго застоя“. „Какія старанія, — прибавляетъ Лавровъ, — ни употребляли, чтобы упрочить человѣческій муравейникъ того или другого

¹⁾ Отеч. Зап., стр. 297.

развитія, они не удавались“, и причина этого, по его мнѣнію, въ сущности, всегда бывала одна и та же, именно „протестъ личности во имя новыхъ потребностей, сдѣлавшихся для этой личности столь побудительною силою, что эта сила превозмогла силу привычки и преданія и заставила личность возстать противъ строя, еще не вызывавшаго протеста со стороны другихъ личностей“¹⁾). Такой индивидуальный протестъ, совершенно немыслимый, какъ полагаетъ Лавровъ, у позвоночныхъ, появляется впервые въ обществѣ позвоночныхъ животныхъ съ болѣе развитою индивидуальностью. Общій выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ сопоставленія общественной безпозвоночныхъ и позвоночныхъ животныхъ,—тотъ, что человѣкъ „отъ ряда млекопитающихъ, бывшихъ до него, получилъ въ наслѣдство не только возможность жить въ данныхъ формахъ общества, а еще способность лично приравливаться къ обстановкѣ, пользоваться лично болѣе или менѣе выгоднымъ положеніемъ для достиженія себѣ болѣе или менѣе благъ, для поставленія себя въ выгоднѣйшее положеніе, относительно своихъ собратій“. Человѣкъ „живетъ въ обществѣ подобно муравьямъ и пчеламъ, онъ готовъ, подобно позвоночнымъ, каждую минуту выйти изъ условій этого общества, если ему это лучше; онъ можетъ уклониться отъ обычая, лицемѣрить и употреблять обычаи, не какъ священный законъ, а какъ щитъ для своихъ цѣлей, и, подчиняясь обычаю, онъ можетъ это дѣлать потому, что онъ лично, какъ особь, вѣритъ въ высокое значеніе обычая, или потому, что онъ сознаётъ свое безсиліе противиться обычаю. Опять-таки онъ можетъ это сдѣлать, но въ дѣйствительности достигаютъ этого лишь немногіе. Другіе живутъ въ данныхъ формахъ, но не обсуждая ихъ подобно муравьямъ. Спасеніе человѣческихъ обществъ отъ застоя,—продолжаетъ Лавровъ,— заключается именно въ томъ, что въ нихъ есть всегда первые. Эти дерзкіе критики существующаго, эти лицемѣры, относящіеся съ тайнымъ эгоистическимъ расчетомъ къ священному обычаю, эти львы, идущіе за другими не потому, что и тѣ идутъ, а потому, что имъ лично видна цѣль въ этомъ направленіи,— это люди мысли, работники прогресса или реакціи, но во всякомъ случаѣ враги обычая. Они мѣшаютъ другимъ оста-

¹⁾ Тамъ же, стр. 299.

навливаться навсегда на той или другой степени общественнаго развитія и хранить ихъ традицію позвоночныхъ животныхъ среди общества, готоваго опуститься на ступень безпозвочныхъ“ ¹⁾). Лавровъ даже классифицируетъ отдѣльные особи, входящія въ составъ общества, по степени ихъ самостоятельности въ отношеніи культурно-соціальныхъ формъ. Беря современное европейское общество, а въ немъ прежде всего меньшинство, поставленное въ наивыгоднѣйшее отношеніе, онъ въ немъ, этомъ меньшинствѣ, различалъ три группы личностей. Это, во-первыхъ, немногіе *дѣятели* цивилизаціи съ болѣе или менѣе основательнымъ взглядомъ на общественныя задачи. Далѣе, это—*участники* въ цивилизаціи меньшинства, живущіе мыслью первой группы, повторяющіе ихъ слова, дѣйствующіе по ихъ указанію, составляющіе ихъ самую прочную поддержку—въ смыслѣ ли защиты существующихъ порядковъ или нападенія на нихъ. Наконецъ третью и самую притомъ многочисленную категорію составляютъ личности, пользующіяся не менѣе другихъ (а пожалуй, и болѣе) всѣми осязаемыми выгодами современной общественной жизни, но не участвующія въ ея движеніи: онѣ, такъ сказать, лишь *присутствуютъ* при цивилизаціи ²⁾). Тѣ же три группы Лавровъ различалъ и въ томъ классѣ общества, который не пользуется совсѣмъ или не пользуется въ равной мѣрѣ благами современной цивилизаціи ³⁾). Это же подраздѣленіе,—говоритъ онъ еще,—повторяется вездѣ, гдѣ только существуетъ человѣческое общество,—и въ предыдущіе періоды развитія высшихъ расъ, и въ современномъ быту низшихъ ⁴⁾). „Собственно дѣятелями“ онъ считаетъ возможнымъ „назвать очень немногихъ“, и именно „ихъ разнообразные процессы мысли, лежащія въ основѣ ихъ стремленій, составляютъ, по его словамъ, въ сущности, всю движущую силу современнаго цивилизованнаго меньшинства“. Наоборотъ, тѣ, которые „лишь присутствуютъ при европейской цивилизаціи“, только „получили по наслѣдству нѣкоторыя формы жизни и привычки и сохраняютъ ихъ подобно тому, какъ австраліецъ до конца жизни сохранить обычай и привычки семьи, въ которой ро-

¹⁾ Тамъ же, стр. 307.

²⁾ Тамъ же, стр. 292—293

³⁾ Тамъ же, стр. 295.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 296.

дился, какъ муравей сохранить тотъ или другой строй унаслѣдованнаго имъ муравейника“¹⁾).

Тѣ же основныя мысли свои на роль личнаго начала повторялъ Лавровъ и въ другихъ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ семидесятыхъ годахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Знаніи“. Во второмъ изъ этихъ журналовъ онъ помѣстилъ въ 1873 г. свое „Введение въ исторію мысли“, вышедшее въ свѣтъ и отдѣльной книгой. Это было, дѣйствительно, введение, за которымъ должна была слѣдовать и самая исторія мысли, громадный трудъ, печатавшійся въ восьмидесятыхъ годахъ за границую и при жизни автора оставшійся неоконченнымъ. Только незадолго до смерти Лавровъ успѣлъ изложить основныя идеи этого своего труда въ небольшой книжкѣ, вышедшей въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Задачи пониманія исторіи“, причѣмъ авторъ выступилъ здѣсь подъ псевдонимомъ Арнольди²⁾). Эта книжка, о которой я уже имѣлъ случай довольно подробно говорить въ печати³⁾, можетъ разсматриваться, какъ послѣдняя формулировка идеи Лаврова, касающейся роли личнаго начала въ общественной жизни и въ историческомъ процессѣ.

1) Тамъ же, стр. 292—293. Въ той же статьѣ Лавровъ приводитъ большую выдержку изъ „Исторіи цивилизаціи Европы“ Гизо, чтобы указать на то, какъ этотъ ученый впервые „различилъ въ историческомъ развитіи общества два элемента: *личный*, который для Гизо какъ бы совпадалъ съ общечеловѣческимъ, и *общественный*, который какъ бы совершается съ меньшею сознательностью и заключается болѣе въ формахъ общественнаго строя, чѣмъ въ дѣятельности личностей“. Считая это различіе въ высшей степени важнымъ, Лавровъ находилъ, однако,—и, нужно замѣтить, вполне справедливо,—что понятіе о развитіи общественной дѣятельности у Гизо оставалось туманнымъ. Именно французскій историкъ какъ бы упускаетъ изъ виду, что измѣненіе общественныхъ формъ происходитъ не само собою, а путемъ дѣятельности личностей (тамъ же, стр. 96). Но у Гизо все-таки, хотя и смутно, высказалось „различіе личной дѣятельности, измѣняющей общество во имя своего идеала, и общественной культуры, представляющей лишь среду для развитія личностей и обусловливающей болѣе или менѣе удобное ихъ развитіе“ (тамъ же, стр. 97).

2) *С. Арнольди*. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. М. 1898.

3) Статя „Новый историко-философскій трудъ“ въ 45 книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“.

Во „Введеніи въ исторію мысли“ Лавровъ съ особою обстоятельностью останавливается на различеніи въ исторіи „идеально-обобщающаго“ и „реально-біографическаго“ элементовъ. „Если,—говоритъ онъ,—мы станемъ смотрѣть на исторію *только* какъ на результатъ рефлексовъ, совершающихся въ обществѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, мы получимъ лишь схему исторіи, рядъ формулъ, которыя не заключаютъ именно того, что составляетъ особенность всего человѣческаго. Въ нихъ мы не видимъ, какъ люди страдали и боролись, стремились къ лучшему и сознавали себя борцами за лучшее... Зная, какія бессознательныя, неизмѣнныя начала присутствуютъ въ жизни общества, исторія мысли хочеть еще знать, насколько и какимъ образомъ эти начала переходятъ въ сознаніе личностей, и какіе результаты получаютъ отъ встрѣчи этихъ лучей, преломленныхъ въ столькихъ человѣческихъ призмахъ. Лишь изучая это, мы изучаемъ *жизнь* общества, и знать эту жизнь мы можемъ, лишь вглядываясь въ біографіи личностей, составляющихъ общество“ ¹⁾. Въ послѣднее время многіе высказывали ту мысль, что біографическій элементъ не можетъ быть относимъ къ области науки. Лавровъ не раздѣлялъ этого взгляда или, по крайней мѣрѣ, сильно его ограничивалъ. „Біографіи отдѣльныхъ лицъ,—говоритъ онъ,—не имѣютъ вовсе научнаго значенія, если біографъ не усвоилъ и не хочеть знать неизбѣжнаго обусловленія личностей общими законами физики и вліяніемъ среды. Но біографъ, мечтающій, что онъ можетъ всѣ факты изучаемой личности свести на *извѣстныя* общія начала и вліянія, доказываетъ неясное пониманіе средствъ и предѣловъ науки; если же онъ считаетъ въ біографіи важными лишь факты, объясняемые общими законами, онъ отнимаетъ у біографа всякій научный интересъ, низводя ее на степень иллюстраціи началъ, во все не нуждающейся еще въ одномъ подтвержденіи“ ²⁾. Становясь на такую точку зрѣнія, Лавровъ высказывался за возможность строгой научности и біографій и притомъ не только въ томъ случаѣ, если ихъ авторы умѣютъ „прослѣдить въ жизни личности все то, что можетъ быть выведено.

¹⁾ Введеніе въ исторію мысли, стр. 96—97.

²⁾ Тамъ же, стр. 94.

какъ неизбежный результатъ общихъ физиологическихъ, психологическихъ, экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ при данной обстановкѣ культуры, расы, идей“, но если при этомъ выдвигаютъ впередъ и все, обособляющее данную личность, принадлежащее ей настолько, что другія лица, поставленныя, повидимому, въ подобныя или почти подобныя обстоятельства, вышли иными и въ своихъ чувствахъ, и въ своихъ мысляхъ, и своихъ дѣйствіяхъ“¹⁾). Лавровъ даже думалъ, что вообще успѣхъ всѣхъ антропологическихъ наукъ зависитъ отъ тщательнаго изученія всего, что только служить обособленію личности. Между прочимъ, и исторической наукѣ, по его мнѣнію, постоянно нужно разрѣшать вопросъ, насколько событія подводятся подъ общіе законы и что „остается на долю дѣятельности конкретныхъ личностей, не разрѣшенной въ общій законъ“. Поэтому-то онъ и требовалъ соединенія въ исторіи „идеально-обобщающаго и реально-біографическаго“ элементовъ, говоря, что лишь при выполненіи этого условія въ надлежащей мѣрѣ можно *понять* ту или другую эпоху въ истинномъ ея значеніи и возсоздать ее во всей ея жизненности. „Понять эпоху,—говоритъ онъ,—можно лишь тогда, когда подъ картиною ея жизни мы угадываемъ безсознательные процессы, служащіе основаніемъ этой картинѣ... Возсоздать жизнь, возсоздать реальную мысль эпохи можно лишь при пособіи біографическаго элемента“²⁾).

Какова же вообще роль, „которую слѣдуетъ придать личностямъ въ общемъ историческомъ развитіи человечества?“ Лавровъ, конечно, не могъ игнорировать, что многіе мыслители готовы были приравнять ее къ нулю. „Роль личностей въ исторіи человечества,—говоритъ онъ,—оцѣнивалась весьма различно. Если въ младенчествѣ исторіи этой роли придавали слишкомъ большое значеніе, то впоследствии, прямо наоборотъ, стали слишкомъ отрицать личный элементъ въ исторіи. вмѣсто преобразователей, создателей государствъ, создателей законовъ, создателей культуры, въ исторіи воцарился безличный законъ событій, неизбежная сила идей, двигающая массы. Личностямъ отмежевано лишь скромное мѣсто глашатаевъ того, что развилось внутри об-

¹⁾ Тамъ же, стр. 95.

²⁾ Та же страница.

щества болѣе или менѣе полныхъ представителей жизни идей“ 1). Въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Лаврова, повторился діалектическій законъ Гегеля: человѣческій умъ, схвативъ одну сторону предмета, непосредственно вѣрную, замѣтилъ ея неполноту и, разрушивъ ее, противоположилъ ей то начало, которое въ ней не было взято въ разсмотрѣніе. Но на этомъ дѣло остановиться не можетъ, и умъ долженъ перейти къ болѣе полному воззрѣнію, гдѣ удержана вся непосредственная вѣрность перваго начала, но дополненная усвоеннымъ противоположеніемъ. „Безспорно,—продолжаетъ Лавровъ,—что *реальны въ исторіи лишь личности*; лишь онѣ желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, совершаютъ исторію. Это—первобытное воспріятіе, само собою бросающееся въ глаза, и по тому самому первое доступное хроникеру, писателю мемуаровъ точно такъ же, какъ оно первое доступно изъ исторіи ребенку... Но едва ли не столь же очевидно для мыслящаго историка, что, начиная съ мелкихъ и доходя до важныхъ человѣческихъ мыслей и дѣйствій, *все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ*. Неизбѣжные законы физики, химіи, физиологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія данныя, преемство расы, культурныя привычки общества, его окружающаго, преданія и вѣрованія, передаваемые ему съ дѣтства, составляютъ неотвратимую обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обуславливающую всякое его физическое и нравственное движеніе. Наконецъ, вѣчная борьба теоретическихъ и практическихъ міросозерцаній, кипящая въ обществѣ, вѣчное столкновеніе экономическихъ интересовъ бросаетъ развивающагося человѣка въ ряды той или другой партіи, возбуждаетъ въ немъ самостоятельную личность, опредѣляетъ размѣръ его знаній, твердость его убѣжденій, энергію его характера, округляетъ его міросозерцаніе и обособляетъ его жизнь въ жизни его современниковъ. Наука исторіи начинается лишь съ усвоенія этого подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни“ 2) Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать и того, что историческія событія сами собою не

1) Тамъ же, стр. 93.

2) Тамъ же, стр. 94.

происходятъ. „Что бы ни писали о духѣ времени, о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но въ концѣ концовъ все-таки дѣлаютъ исторію личности; духъ времени составляетъ изъ настроенія мысли личностей; потокъ событій, увлекающихъ однихъ, образуется другими опять-таки личностями“. Поэтому Лавровъ прямо даже считаетъ возможнымъ сказать, что исторія „представляетъ лишь идеальныя обобщенія событій, принадлежащихъ съ реальной точки зрѣнія къ области разныхъ біографій“¹⁾.

Всѣ эти статьи Лаврова, которыя мы только что разсматривали для опредѣленія того, какъ ставился имъ вопросъ объ эволюціи личности и о роли личности въ исторіи, равно какъ и другія его работы, помѣщавшіяся въ семидесятыхъ годахъ главнымъ образомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Знаніи“, имѣли значеніе подготовительныхъ этюдовъ къ задуманной авторомъ, но, какъ я сказалъ, оставшейся неоконченною „Исторіи мысли“. Мы уже упомянули, что всѣ основныя идеи этого труда Лавровъ передъ своею смертію представилъ въ сжатомъ очеркѣ, своего рода конспектѣ, вышедшемъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ 1898 году. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ перваго по времени русскаго социолога мы встрѣчаемся съ знакомыми уже намъ мыслями о положеніи личности въ обществѣ и о значеніи ея въ исторіи. „Личности,—говоритъ онъ,—входятъ въ исторію, какъ элементы коллективностей, по ихъ отношенію къ коллективнымъ задачамъ, передъ ними поставленнымъ событіями. Но въ то же время понятіе объ обществѣ при внимательномъ разсмотрѣніи его, оказывается лишь удобною формою для изученія одновременныхъ психическихъ процессовъ, совершающихся въ большемъ или меньшемъ числѣ солидарныхъ между собою личностей, и реальныхъ дѣйствій, ими совершаемыхъ, такъ что общества имѣютъ, собственно, реальное существованіе лишь въ личностяхъ, ихъ составляющихъ, именно въ *сознаніи* личностями своей солидарности, какъ между собою, такъ и съ коллективностью“²⁾. Это касается положенія личности въ обществѣ, а значеніе ея въ процессѣ измѣненія общественныхъ формъ сводится къ тому, что главную роль въ самомъ существованіи и въ измѣненіяхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 95

²⁾ С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи, стр. 34.

этихъ формъ играютъ потребности отдѣльныхъ личностей, складывающихся въ общества. Двигателей разнообразныхъ измѣненій культуры,—говоритъ Лавровъ,—„надо искать, во-первыхъ, въ потребностяхъ отдѣльной личности, создающихъ формы общежитія и видоизмѣняющихъ эти формы опять-таки подъ вліяніемъ тѣхъ же или иныхъ потребностей; во-вторыхъ, во вліяніи на личности соціальной среды... Взаимодѣйствіе личностей и общественныхъ формъ... выступаетъ, какъ одинъ ихъ самыхъ существенныхъ элементовъ исторіи“¹⁾. Мы уже раньше встрѣчались у Лаврова съ этой идеей взаимодѣйствія личности и культурно-соціальной среды²⁾,—съ идеей, съ которою связано тѣснѣйшимъ образомъ отрицаніе научности за такими взглядами на исторію, по которымъ все дѣло въ самихъ только личностяхъ или только въ одной средѣ³⁾. Эту свою точку зрѣнія Лавровъ защищаль и въ „Задачахъ пониманія исторіи“, гдѣ имъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Ни исторія борьбы личностей за ихъ индивидуальныя привычки, интересы и убѣжденія, ни абстрактная исторія послѣдовательно возникающихъ и ослабѣвающихъ общихъ теченій исторіи не есть, въ ихъ отдѣльности, научно-понятая исторія“⁴⁾. Лавровъ съ большою убѣдительною говоритъ здѣсь и вообще о ненаучности разсматриванія историческаго процесса, какъ безличнаго, когда пренебрегаютъ соображеніемъ, что „его единственными реальными совершителями были, будутъ и могутъ быть лишь личности въ ихъ индивидуальномъ разнообразіи; въ ихъ конкретномъ общественномъ положеніи въ узлѣ событій или въ одной изъ второстепенныхъ ихъ комбинацій; въ личныхъ побужденіяхъ“⁵⁾. Нѣсколько дальше, полемизируя съ такъ называемыхъ объективистами, авторъ „Задачъ пониманія исторіи“ говоритъ еще: „Какъ-то странно представить себѣ, чтобы эти объективисты рѣшились утверждать, что ходъ историческаго процесса можетъ совершаться безъ всякаго посредства и внѣ всякой инициативы индивидуальныхъ мыслящихъ и волевыхъ аппаратовъ“⁶⁾. Да, для Лаврова отдѣль-

¹⁾ Тамъ же, стр. 27.

²⁾ См. выше, стр. 34—35.

³⁾ См. выше, стр. 28.

⁴⁾ Арнольди, стр. 114—115.

⁵⁾ Тамъ же стр. 114.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 117.

ныя личности, дѣйствующія въ исторіи, суть именно именно отдѣльные „мыслящіе и въ особенности волевые аппараты“, изъ которыхъ каждый способенъ къ отдѣльному дѣйствию, являющемуся результатомъ внутреннихъ процессовъ, въ немъ происходящихъ. „Научный фактъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—тотъ, что въ исторіи мы непосредственно наблюдаемъ лишь человѣческія личности, какъ *волевые аппараты*, составляющіе реальную почву всѣхъ историческихъ событій, реальные элементы всѣхъ культурныхъ общественныхъ формъ, реальный источникъ всей работы мысли“¹⁾.

„Въ функціонированіи общественнаго союза, читаемъ мы нѣсколькими страницами дальше, въ историческомъ движеніи и въ жизни историческихъ эпохъ вообще реальны лишь *особи*. Лишь въ большемъ или меньшемъ числѣ этихъ особей воплощаются коллективные обычаи, аффекты, интересы и убѣжденія. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что всѣ явленія въ социологіи и въ исторіи совершаются исключительно *личностями*, которыя создаютъ общество съ его разнообразными приѣмами солидарности, съ его пестрыми формами культуры, съ его продуктами мысли, перерабатывающими эти формы культуры“²⁾. Мало того: противъ взгляда, по которому будто бы личность сама по себѣ ничто, и что все—общественная среда, Лавровъ рѣшительнѣйшимъ образомъ выставляетъ такое положеніе: „Въ отдѣльныхъ личностяхъ въ дѣйствительности воплощается безъ остатка жизнь общества“³⁾.

Лаврову пришлось писать свои „Задачи пониманія исторіи“ въ годы наиболѣе шумныхъ успѣховъ россійскаго экономическаго матеріализма съ его сведеніемъ личности къ нулю. Въ книгѣ замѣтны слѣды этого обстоятельства. Между прочимъ, адепты новой социологической доктрины,— правда, послѣ того уже нѣсколько разъ мѣнявшіе свои взгляды,—старались подорвать „ученіе о роли личности“ указаніемъ на будто бы несогласованность между собою его основныхъ положеній. Находили,—говоритъ по этому поводу Лавровъ,—находили противорѣчіе въ такихъ заявленіяхъ: „Личности создали исторію“ и „все въ личности есть неиз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 114—115.

³⁾ Тамъ же, стр. 151.

бѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ“, но это, въ сущности, только заявленія о двухъ одновременныхъ сторонахъ историческаго процесса, т. е. „роли инициативы личности, какъ необходимаго способа осуществленія всякихъ безличныхъ историческихъ теченій“ и о „роли среды и эпохи въ выработкѣ этой самой инициативы“¹⁾. Коротко и ясно. „Личная инициатива—въ дѣйствіи и въ воздержаніи отъ дѣйствій, въ критической борьбѣ съ существующимъ и въ подчиненіи рутинѣ—есть именно тотъ приѣмъ, который исключительно доступенъ для историческаго теченія, самаго могущественнаго, какъ и самаго слабаго, чтобы воплотиться въ событія и идейные продукты“²⁾. Въ исторіи дѣйствуютъ частныя и общія, индивидуальныя и культурно-соціальныя причины въ весьма различныхъ комбинаціяхъ. Ихъ нужно уловлять въ ихъ особенности и умѣть различать, не сваливая все безъ остатка на однѣ причины общія и культурно-соціальныя. Вѣдь и сами эти послѣднія причины складываются, какъ изъ своихъ необходимыхъ элементовъ, изъ причинъ частныхъ и индивидуальныхъ. „Въ процессахъ идейнаго и практическаго творчества,—говоритъ Лавровъ,—въ процессахъ, совершающихся въ милліонахъ отдѣльныхъ мозговъ, для научной исторіи важно въ особенности то, что сближало всѣ эти процессы въ немногія могучія историческія теченія желаній, убѣжденій и событій, стирая всякую индивидуальную обособленность реальныхъ агентовъ исторіи и обращая ихъ въ безличныя органы жизни коллективной“. Конечно, роль личной инициативы „каждаго отдѣльнаго мыслящаго и волевого аппарата“ совершенно незначительна въ цѣломъ историческаго процесса, но именно лишь эти „индивидуальные аппараты общаго безличнаго процесса позволяютъ ему совершаться и составляютъ исключительные его органы“. Кромѣ того, въ этой своей роли они вносятъ въ историческій процессъ индивидуальное разнообразіе, а въ иныхъ случаяхъ обуславливаютъ для какой-либо личности, поставленной случайными обстоятельствами въ узлѣ событій, большее вліяніе на ходъ послѣднихъ, нежели можно было бы ожидать, принимая въ соображеніе исключительно могущество

¹⁾ Тамъ же, стр. 117.

²⁾ Та же страница.

общихъ историческихъ теченій и индивидуальныя качества и способности того мыслящаго и волевого аппарата, который въ данномъ случаѣ имѣется въ виду“¹⁾. Мы не будемъ оставляться на разнообразіи, вносимомъ въ историческій процессъ участіемъ въ немъ особенностей дѣйствующихъ личностей, но вопросъ объ особенномъ вліяніи на ходъ исторіи со стороны личностей, поставленныхъ случайностями жизни, какъ выражается Лавровъ, „въ узелъ событій“, заслуживаетъ большаго вниманія. Конечно,—замѣчаетъ онъ,—общій характеръ политической исторіи XVIII в. обусловленъ общими теченіями, не зависѣвшими отъ лицъ, которыя участвовали въ этой исторіи, и тѣмъ не менѣе, напримѣръ, роль Пруссіи въ эту эпоху,—а съ нею и множество отдѣльныхъ событій этого и послѣдующаго времени,—оказалась бы совершенно иною, если бы Елисавета Петровна умерла годомъ позже, и если бы ея преемникъ имѣлъ другія личныя особенности. Беря другой примѣръ изъ области науки, Лавровъ высказываетъ небезосновательное мнѣніе, что личный характеръ Кювье не остался безъ вліянія на задержку цѣлой отрасли ученыхъ работъ. Вообще, „задачи жизни, прежде чѣмъ онѣ становятся опредѣленно передъ обществомъ, вынуждены воплотиться въ идею, требующую себѣ осуществленія въ индивидуальномъ дѣлѣ. Представители этой идеи становятся необходимымъ органомъ историческаго движенія. Лишь при нихъ неизбѣжномъ посредствѣ можетъ дѣйствовать детерминизмъ исторіи“, но въ такомъ случаѣ „особенности личностей, которыя составляютъ какъ бы узлы въ исторической сѣти событій данной эпохи, получаютъ болѣе или менѣе важное значеніе для историка, стремящагося понять эту эпоху“²⁾.

Отстаивая активность личности, какъ самостоятельной силы въ историческомъ процессѣ, Лавровъ съ особенною охотою останавливался на той мысли, что будущее отчасти зависитъ и отъ насъ самихъ „Надъ законами естественной необходимости,—писалъ онъ, напр., еще въ „Историческихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 116.

²⁾ Тамъ же, стр. 120. Съ этой точки зрѣнія и въ „Задачахъ пониманія исторіи“ также защищается „биографическій элементъ исторіи“, къ которому во имя ложно понятой научности нѣкоторые высказываютъ пренебреженіе, 125.

Письмахъ“, —мы не властны, не властны мы и надъ исторіек. Мы властны въ нѣкоторой степени лишь надъ будущимъ, такъ какъ наши мысли и наши дѣйствія составляютъ матеріалъ, изъ котораго организуется все содержаніе будущей истины и справедливости. Каждое поколѣніе отвѣтственно передъ потомствомъ за то лишь, что оно *могло* сдѣлать и не сдѣлало“ ¹⁾. Въ „Задачахъ пониманія исторіи“ Лавровъ опять возвращается къ этой мысли ²⁾. Если исторія дѣйствительно должна насъ научать, какъ слѣдуетъ понимать настоящее, —а этого Лавровъ требуетъ отъ науки, —то, съ другой стороны, пониманіе настоящаго не можетъ быть полно, если съ нимъ не соединено представленіе о тѣхъ возможностяхъ, которыя оно въ себѣ заключаетъ для будущаго. Лавровъ не принадлежалъ къ числу фаталистовъ, исключаящихъ самое понятіе о разныхъ возможностяхъ, потому что не принадлежалъ и къ догматикамъ, которые готовы предсказывать будущее не на основаніи критическаго анализа настоящаго, а на основаніи какой-либо общей формулы, признаваемой за объективный законъ исторіи. Подобный догматизмъ въ „Задачахъ пониманія исторіи“ былъ прямо имъ осужденъ подъ названіемъ „логическаго субъективизма случайнаго и произвольнаго мнѣнія“.

Попытокъ опредѣленія существующихъ въ настоящемъ возможностей для будущаго требуетъ не только теоретическое изученіе прошлаго, но и самая практика жизни. Дѣло въ томъ, что „общій ходъ событій можетъ обнаружить передъ историкомъ мысли неизбѣжность въ каждомъ случаѣ постановки того или другаго вопроса, тогда какъ то его рѣшеніе, которое изъ *возможнаго* сегодня дѣлается *дѣйствительнымъ* завтра, обусловливается сложной комбинаціей обстоятельствъ, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ доступною въ ея частностяхъ и случайностяхъ пониманію историка“ ³⁾.

¹⁾ „Историческія Письма“, 57. „Культура общества есть среда, данная исторіею для работы мысли и обусловливающая *возможное* для этой работы въ данную эпоху съ такою же неизбѣжностью, съ какою во всякое время ставитъ предѣлы этой работѣ неизмѣнный законъ природы“, стр. 91.

²⁾ Для послѣдующаго см. болѣе подробно въ моей статьѣ о „Задачахъ пониманія исторіи“ Арнольдп.

³⁾ Арнольдп, стр. 366.

Вообще, возможность переходить въ дѣйствительность при наличности извѣстныхъ условій, къ числу которыхъ относятся и тотъ или другой образъ дѣйствій личностей, составляющихъ изъ себя общество. „Для обращенія,—говорить далѣе Лавровъ,—исторически возможнаго въ дѣйствительно совершающаеся трудно не признать преобладающей роли личностей, случайно поставленныхъ въ узлѣ событій данной эпохи, какъ правители или какъ демагоги; какъ пророки, окруженные ореоломъ фантастическихъ вѣрованій, или какъ отрицатели тѣхъ или другихъ особенностей современной имъ культуры; какъ типическіе представители общаго понятія духа въ обществѣ, толкающаго массы на историческое дѣло, или столь же общаго упадка общественнаго духа,—упадка, парализующаго всѣ попытки вызвать коллективный организмъ къ реагированію противъ соціальной болѣзни“ 1). Вопросъ о роли личности въ исторіи имѣетъ, конечно, не одно теоретическое значеніе, но будучи самъ по себѣ вопросомъ чисто-теоретическимъ, онъ долженъ быть рѣшенъ на чисто-научной или философской почвѣ. Обозрѣвая самыя послѣднія умственные теченія, Лавровъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что, несмотря на разные пункты несогласія, существующіе между ними, они болѣе или менѣе сходны между собою въ томъ, что всѣ очень „склонны подрывать расчетъ на личную инициативу и энергію воли у отдѣльныхъ особей“. Онъ особенно подчеркиваетъ, что это явленіе наблюдается какъ разъ „въ то самое время, когда догматъ всеобщей конкуренціи, характеризующій царство буржуазіи, требуетъ непремѣннымъ условіемъ прочности этого царства особенное развитіе и этой инициативы, и этой энергіи“ 2). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже особенно выдвигаетъ на видъ роль, какъ онъ выражается, „класса дѣлопроизводителей“ 3) въ современномъ обществѣ, т. е. людей, знающихъ и понимающихъ дѣла, ведущія къ накопленію и перераспределенію богатствъ, и достигающихъ своихъ цѣлей, благодаря изворотливости и проникательности мысли и энергіи характера. Ни одинъ общественный строй не обходится безъ такихъ „дѣлопроизводителей“, и будущее, конечно, въ

1) Тамъ же, стр. 367.

2) Тамъ же, стр. 357.

3) Тамъ же, стр. 337.

этомъ отношеніи не будетъ отличатся отъ прошедшаго и настоящаго.

Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находится это допущеніе роли личности къ успливающемуся все болѣе и болѣе господству началъ детерминизма въ современномъ пониманіи міра. Противники личнаго начала въ исторіи часто утверждаютъ, будто теоретики историческаго процесса, иначе понимающіе роль личности, придаютъ ей такое значеніе, что ради него готовы бывають отрицать закономерность общественныхъ явленій („личность все можетъ“). Послѣднее было бы дѣйствительно полнымъ ниспроверженіемъ научнаго міросозерцанія, но дѣло въ томъ, что у Лаврова сознательное дѣйствіе личностей, само подчиненное строгой закономерности, противопоставляется отнюдь не этой закономерности, а всему тому въ историческомъ процессѣ, въ чемъ проявляется умственная и волевая пассивность людей. То или другое, только возможное, становится, по его убѣжденію, дѣйствительнымъ лишь тогда, когда этому помогаютъ въ достаточной мѣрѣ стремленія и усилія отдѣльныхъ лицъ. Лавровъ не говоритъ, чтобы теоретическій детерминизмъ самъ по себѣ практически приводилъ непременно къ общественному квіетизму, и даже думаетъ, что этотъ самый детерминизмъ для осуществленія неизбежнаго требуетъ превращенія въ непремѣнныя свои орудія—чувства, мысли и воли индивидуальныхъ строптелей будущаго. Научно-философское пониманіе исторіи, полагаетъ онъ, и должно въ этомъ отношеніи формулировать „правила умственной и нравственной гигиены для всякой развитой личности“. Самъ Лавровъ выноситъ изъ всего изученія исторіи поученіе, которое можетъ быть коротко передано слѣдующимъ образомъ: ставя себѣ жизненныя цѣли, личность прежде всего имѣетъ передъ собой элементъ неизбежнаго, неотвратимаго: это—вся совершившаяся исторія, все то, что уже прошло и что создало какъ самоё личность, такъ и окружающую ее среду. Этотъ неустранимый элементъ есть фактъ, и личности остается только къ нему приспособляться съ цѣлью нахождения въ немъ всего того, что можетъ быть ея орудіемъ или пособіемъ въ достиженіи ея жизненныхъ цѣлей. Но затѣмъ передъ личностью въ каждую данную эпоху обнаруживаются различныя, даже противоположныя

по своему направленію возможности дальнѣйшаго хода событий, причемъ однѣ изъ этихъ возможностей, повидимому, имѣютъ всѣ шансы осуществиться, такъ сказать, сами собою; другія же, напротивъ, требуютъ особаго напряженія мысли и воли сочувствующихъ лицъ и вообще кажутся менѣе вѣроятными. Нерѣдко увѣренность въ легкой осуществимости той или другой возможности заставляеть людей слишкомъ полагаться на естественный ходъ вещей и пренебрегать личными усиліями, и, наоборотъ, нерѣдко трудность осуществленія чего-либо заставляеть въ безспіи опускать руки. Правильное пониманіе историческаго процесса для однихъ даетъ строгія поученія, для другихъ служить оживляющимъ урокомъ. Сколько разъ тѣ, которые вчера казались непобѣдимыми, на другой день оказывались безсильными противъ незамѣченныхъ и презираемыхъ враговъ, и одержанныя побѣды превращались въ пораженія лишь потому, что сами-то оставались еще только возможностями, требовавшими дальнѣйшей работы мысли и дѣятельности воли. Съ другой стороны, все, что возможно, при какихъ-нибудь новыхъ комбинаціяхъ способно обратиться въ дѣйствительное, хотя бы шансы этого обращенія и были слабы, — лишь бы только правильно работала мысль и энергично дѣйствовала воля ¹⁾. Изъ этого разсужденія Лавровъ извлекаеть и цѣлое поученіе для развитой человѣческой личности, которая желаетъ быть въ числѣ сознательныхъ строителей будущаго. Это—тотъ же старый его призывъ къ дѣятельности во имя того, что необходимымъ органомъ совершающагося историческаго детерминизма всегда была и будетъ сила мысли и энергія воли личностей. „Когда,—говорить онъ,—ты поставилъ передъ собой жизненную цѣль, какъ твой личный идеаль, всю свою силу мысли, всю свою энергію воли въ мірѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватить твое я и твое дѣло своимъ неудержимымъ теченіемъ и унесеть ихъ въ водоворотъ событий. Пусть они перейдутъ изъ міра цѣлей и средствъ въ міръ причинъ и слѣдствій, отъ тебя независящій. Твое дѣло или твое воздержаніе отъ дѣятельности одинаково вошло неустра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 369—370.

нимымъ элементомъ въ строеніе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторія научила тебя приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значеніе возможностей въ борьбѣ за жизненныя цѣли, и энергически бороться за лучшее будущее для милліардовъ незамѣтныхъ особей, которыя рядомъ съ тобою сознательно и бессознательно строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: „Побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ“¹⁾. Въ этихъ словахъ мы узнаемъ автора „Очерковъ практической философіи“ и „Историческихъ Писемъ“²⁾.

Въ теоріи личности Лаврова важное значеніе, кромѣ вопроса о личности, какъ историческомъ агентѣ, и даже, пожалуй, еще большее значеніе, чѣмъ ему, принадлежитъ вопросу о развитіи личности. Между прочимъ на идеѣ личнаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 371.

²⁾ Современный идеаль,—писалъ Лавровъ въ „Очеркахъ вопросовъ практической философіи“,—„требуетъ человѣка, который свободно развиваетъ въ себѣ и въ другихъ физическія качества умъ, знаніе, характеръ, сознаніе справедливости; человѣка, который уважаетъ достоинство всякаго ближняго, какъ свое собственное, и не только указываетъ мысленно, но готовъ рисковать своею личностью, чтобы защитить личное достоинство и справедливыя требованія другой личности. Эгоистическое стремленіе наслаждаться на счетъ другихъ въ этомъ человѣкѣ преобразовывается въ наслажденіе собственнымъ дѣломъ, полезнымъ и прекраснымъ для другихъ... Этотъ идеаль,—продолжаетъ Лавровъ,—не является для человѣка вѣшнымъ закономъ, понужденіемъ, обязательствомъ, наложеннымъ внѣмировою или общественною властью. Онъ есть обязанность внутренняя, обязанность относительно самого себя, свободно налагаемая личностью на себя вслѣдствіе логической оцѣнки обстоятельствъ, въ которыхъ личность живетъ, и вслѣдствіе естественнаго стремленія къ высшему возможному блаженству“. Наконецъ, Лавровъ подчеркиваетъ и общественное значеніе такого идеала. „Этотъ идеаль справедливой личности, логически развившійся въ человѣкѣ, представляется ему, какъ необходимый и обязательный не только для него, какъ человѣка, а потому обязательный для всѣхъ людей. Во имя идеала каждая отдѣльная личность сознаетъ въ себѣ и въ другихъ право судить дѣйствія и явленія, признавать ихъ справедливыми, хорошими, заслуживающими похвалы или несправедливыми, дурными, заслуживающими порицанія. Еще болѣе: этотъ идеаль требуетъ не только сознанія справедливости, но ея воплощенія въ дѣйствительность, въ жизнь; требуетъ много борьбы и жертвы за правое дѣло“.

развитія онъ обосновывалъ всю свою этику, какъ и въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія его „Современныя ученія о нравственности и ея исторія“. Въ этой замѣчательной работѣ проводится та мысль, что развитіе во внутреннемъ мірѣ человѣка воспринимается, какъ сознаніе возвышенія собственнаго существа, сопровождающееся своего рода и притомъ высшаго порядка наслажденіемъ, соединеннымъ съ чувствомъ обязанности и впродолженіе развиваться. Разница между внутреннимъ міромъ людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія, не количественная только, но и качественная: представленія, понятія, идеи болѣе развитого человѣка болѣе тонки, болѣе ясны, болѣе вѣрны, болѣе возвышенны. Внутреннее, психическое развитіе состоитъ изъ отдѣльных измѣненій, которыя происходятъ въ нашихъ знаніяхъ и въ нашемъ пониманіи, но когда мы сознаемъ, что мы что-либо вѣрнѣе знаемъ или яснѣе понимаемъ, мы въ то же время чувствуемъ, что вмѣстѣ съ этимъ мы сами какъ бы улучшились, стали выше, чѣмъ были прежде, въ своихъ собственныхъ глазахъ. „Фактъ расширенія мысли,—говоритъ Лавровъ,— фактъ умственнаго развитія подходитъ подъ многообразную категорію *наслажденія*, а потому въ числѣ другихъ фактовъ представляетъ цѣль и орудіе животной борьбы за существованіе. Онъ увеличиваетъ наши средства поддерживать наше существованіе, вліять на окружающій насъ міръ, а потому, опять въ ряду другихъ подобныхъ же фактовъ, входитъ въ обширную категорію *полезнаго*. Но развитіе представляетъ не только наслажденіе вообще и даже не только наслажденіе, подлежащее оцѣнкѣ по его пользѣ: оно представляетъ состояніе духа, въ которомъ личность сознаетъ себя выше, чѣмъ была. Сойти на прежнее положеніе,—это для нея—*унизиться*, продолжать тотъ же процессъ, это для нея—*возвыситься*. Каждый особенный аффектъ,—продолжаетъ Лавровъ,—вызываетъ особенный психическій рефлексъ, превращающійся при нѣкоторой силѣ рефлекса и при удобныхъ обстоятельствахъ въ рефлексъ физическій. Аффектъ наслажденія вызываетъ вообще желаніе; аффектъ сознанія пользы вызываетъ расчетъ; аффектъ сознанія возвышенія существа вызываетъ рефлексивный процессъ *обязанности*. Лишь человѣкъ, имѣющій случай ощущать послѣ незначительныхъ промежутковъ времени снова и снова наслажденіе развитія,

получаетъ нѣкоторую привычку къ этому *особенному* психическому рефлексу, начинаетъ отличать его въ себѣ и наконецъ становится настолько развитымъ человекомъ, что для него его психическое понятіе *обязательности* представляется съ совершенною ясностью¹⁾. Развитие личности и есть для Лаврова основа, на которой возникаетъ мѣрка для сужденія о мысляхъ и поступкахъ по ихъ нравственному качеству, по ихъ внутреннему достоинству. Тутъ поступки судятся не по ихъ слѣдствіямъ (пріятнымъ или полезнымъ), а по ихъ намѣреніямъ, намѣренія же, т.-е. представленія, соединенныя съ чувствованіями и стремленіями, судятся по ихъ соотвѣтствію съ тѣмъ, что человекъ въ своемъ творчествѣ нравственныхъ идеаловъ и въ своемъ изслѣдованіи нравственныхъ идей считаетъ соотвѣтственнымъ достоинству человека и содержанію понятія о добрѣ.

Эти мысли, съ первымъ наброскомъ на которыхъ мы встрѣчаемся въ „Очеркахъ вопросовъ практической философіи“²⁾, лежатъ въ основѣ всего объясненія Лавровымъ генезиса нравственнаго чувства. Потребность развитія, какъ потребность высшаго порядка, выростающая на почвѣ нервнаго возбужденія, всегда входила у него въ общій счетъ тѣхъ потребностей, удовлетвореніемъ которыхъ живутъ люди. И въ личной, и въ общественной жизни онъ приписывалъ ей громадное значеніе. По этому вопросу Лавровъ посвятилъ не мало мѣста въ своемъ послѣднемъ *résumé* всего имъ предуманнаго въ области теоріи личности: только личное развитіе превращаетъ индивидуумъ въ дѣятеля прогресса. Лавровъ очень часто указывалъ на то, какъ при извѣстныхъ условіяхъ въ обществѣ выдѣляется и пріобрѣтаетъ на него вліяніе группа личностей, способныхъ наслаждаться развитіемъ и вырабатывающихъ потребность развитія. Это—интеллигенція, которая въ историческомъ міросозерцаніи Лаврова „выступаетъ, какъ двигатель сознательныхъ измѣненій культуры въ противоположность непреднамѣреннымъ ея измѣненіямъ. Ея дѣло,—говоритъ онъ еще,—есть переработка культуры мыслью“³⁾. Конечно, потребность развитія появ-

¹⁾ Современ. ученія о нравствен. и ея исторія, От. Зап., IV, стр. 437 и слѣд.; эта работа также имѣется въ отдѣльномъ изданіи.

²⁾ См. выше, стр. 12 и слѣд.

³⁾ *Арнольди*, стр. 30.

ляется сравнительно поздно, тогда какъ необходимость солидарности, очень и очень часто оказывающейся враждебною личному развитію ¹⁾, относится, наоборотъ, къ числу наиболѣ раннихъ явленій. Можно даже сказать, что зависимость между индивидуумами устанавливается помимо всякихъ сознательныхъ процессовъ, сама собою, совершенно фатальнымъ образомъ, и лишь впоследствии вырабатывается солидарность сознательная, являющаяся могучимъ орудіемъ общества въ борьбѣ за существованіе. Въ сущности, потребность солидарнаго общежитія для успѣховъ въ борьбѣ за существованіе влечетъ за собою господство неизмѣннаго обычая, т.-е. культурный застой, требующій подчиненія индивидуальной мысли идѣятельности устанавливающимся формамъ. Но, какъ мы уже видѣли ²⁾, Лавровъ не считалъ возможною окончательную побѣду традиціонализма. Выросши на почвѣ одной изъ областей потребностей нервного возбужденія, потребность развитія обусловила и первое проявленіе идейныхъ интересовъ въ исторіи, и ихъ логически неизбежное усиленіе, а въ будущемъ она же обусловитъ и болѣе или менѣе вѣроятное преобладаніе идейныхъ интересовъ. Хотя Лавровъ и приписывалъ громадное значеніе интересамъ политическимъ и особенно экономическимъ, тѣмъ не менѣе, по его представленію, „несмотря на всѣ стремленія интересовъ экономическихъ и политическихъ преобладать въ исторіи и эксплуатировать въ свою пользу продукты интересовъ идейныхъ“, уже и въ настоящемъ даже времени потребность развитія, выработавшаяся въ интеллигенціи въ самостоятельную силу, „сдѣлалась, въ сущности, главнымъ двигателемъ исторіи“ ³⁾. Вѣдь изъ интеллигенціи и выходятъ тѣ „дѣлопроизводители“, о которыхъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾. Эти общественные дѣятели могутъ служить очень несходнымъ интересамъ, отчего зависитъ различіе какъ тѣхъ цѣлей, которыя они себѣ ставятъ, такъ и тѣхъ средствъ, къ которымъ они

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ Лавровъ прямо говоритъ о дилемѣ „или крѣпкой солидарности при подавленіи развитія отдѣльной личности, или же сильнаго и разносторонняго развитія личности, оторкшейся отъ всякой идейной солидарности стр.“; 360.

²⁾ См. выше, стр. 39—40.

³⁾ *Арно шви.*, стр. 61.

⁴⁾ См. выше, стр. 52.

прибѣгаютъ, но во всякомъ случаѣ міръ цѣлей и средствъ вырабатывается только въ сознаниі отдѣльныхъ дѣятелей. Какъ работа индивидуальной мысли, такъ и направленіе индивидуальной воли, да и вся дѣятельность интеллигенціи съ классомъ общественныхъ „дѣлопроизводителей“ могутъ имѣть весьма неодинаковое значеніе, между прочимъ, по отношенію къ общественной солидарности и къ личному развитію. Вообще можетъ существовать — и даже на самомъ дѣлѣ существуетъ — нѣкоторый и при томъ весьма значительный антагонизмъ между общественною солидарностью и личнымъ развитіемъ. Съ основной точки зрѣнія Лаврова, оба эти элемента, существенно различные, одинаково необходимы и существуютъ нераздѣльно; но въ исторіи оказываются возможными „такія формы солидарности, которыя мѣшаютъ росту сознательныхъ процессовъ въ интеллигенціи, и такія условія роста послѣднихъ, которыя подрываютъ общественную солидарность“. Поэтому Лавровъ и видѣлъ прогрессъ въ ростѣ и скрѣпленіи солидарности лишь тогда, когда она не мѣшаетъ развитію сознательныхъ процессовъ и мотивовъ дѣйствія въ личностяхъ лишь настолько, насколько это не оказываетъ препятствія росту и скрѣпленію солидарности между наибольшимъ числомъ личностей ¹⁾).

Не касаясь здѣсь подробностей соціального идеала автора „Задачъ пониманія исторіи“, мы отмѣтимъ только, что въ его представленіи совершенное общество немислимо безъ широкаго личнаго развитія, потребность котораго включаетъ имъ вообще въ число потребностей личности. Но все-таки это только одна изъ потребностей личности: есть и другія. Было бы крайне односторонне разсматривать человѣка, какъ какой-то безплотный духъ, или только „мыслительный и волевой аппаратъ“. Но этого и не было у Лаврова. Онъ бралъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, съ его зоологическими предками, не только какъ личность, но и какъ біологическую особь. Уже въ первомъ своемъ трудѣ онъ опредѣлилъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается личная жизнь особи, стремящейся удовлетворить свою потребность въ наслажденіи. Въ „Задачахъ пониманія исторіи“ онъ также исходитъ изъ перечисленія и классифика-

¹⁾ Арнольди, стр. 131.

ции потребностей отдѣльныхъ личностей. Вся социальная жизнь возникаетъ изъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, и изъ ихъ различныхъ группъ Лавровъ особенно выдѣлялъ три группы способностей, дающихъ начало жизни экономической, политической и идейной ¹⁾. „Прямое,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—прямое аффективное наслѣдство зоологическаго міра (влечение къ общежитію, влеченіе половое и родительская заботливость), весьма вліятельное по отношенію къ психологическимъ процессамъ въ особяхъ, оказывается едва ли особенно значительнымъ мотивомъ социологической эволюціи, благопріятной для роста солидарности и сознательныхъ процессовъ. Поэтому побужденіе къ ней приходится искать въ тѣхъ чисто-животныхъ потребностяхъ человѣка, которыя нельзя не признать эгоистическими, но которыя именно онъ обратилъ въ человѣчныя и благопріятныя въ указанныхъ отношеніяхъ“ ²⁾. Прежде всего это была потребность въ пищѣ, которая въ концѣ концовъ обратилась въ потребность особи обезпечить себѣ при помощи общежитія и общественныхъ учрежденій матеріальныя средства существованія. „Въ этой своей формѣ,—говоритъ Лавровъ,—она легла въ основаніе всей эволюціи экономической жизни человѣчества“. Онъ даже и не считаетъ особенно нужнымъ напоминать, что „вся эволюція родовой, семейной, индивидуальной и государственной собственности, борьба классовъ въ продолженіе всей исторіи и борьба труда съ капиталомъ въ наше время оказываются въ значительной мѣрѣ въ своемъ основаніи вопросами желудка“ ³⁾. Другая изъ указанныхъ потребностей есть потребность индивидуальной безопасности, и она то именно обусловила эволюцію политической жизни социальныхъ организмовъ. Наконецъ, третья потребность есть потребность въ нервномъ возбужденіи, которая проявилась ранѣе всего въ стремленіи украшать жизнь, и этому Лавровъ приписываетъ столь важное значеніе, что, по его мнѣнію, лишь оно было способно восторжествовать надъ лѣнью тѣла и мысли, со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 42.

³⁾ Лавровъ былъ готовъ отнести и „огромную долю“ даже творчества художественнаго, философскаго, научнаго и нравственнаго къ тому же источнику.

ставляющею характеристическую черту дикаря не-исторической и исторической культуры ¹⁾). Въ этомъ послѣднемъ источникѣ заключаются основанія для всей духовной культуры съ ея эстетическими, религиозными, нравственными, философскими и научными явленіями.

Во всѣхъ своихъ работахъ Лавровъ старался объяснить тѣ или другія явленія культурно - соціального порядка изъ соответственныхъ источниковъ, не впадая въ односторонность. Его теорія личности была одною изъ наиболѣе полныхъ, и отъ односторонности спасало его то, что за исходный пунктъ своихъ соціологическихъ построеній онъ бралъ человеческую личность со всѣмъ разнообразіемъ ея жизненныхъ проявленій, а не ту или другую сторону обществственности. Въ то время, какъ экономическій матеріализмъ стремится свести всѣ явленія исторіи на побужденія и потребности экономическія, другіе современные писатели (напримѣръ, Дюрингъ и Гумпловичъ) охотно ищутъ основной мотивъ процесса исторіи въ элементѣ политическомъ. „Наименѣе приверженцевъ,—говоритъ Лавровъ,—сохранило между реалистическими изслѣдователями этого процесса недавно еще господствовавшее стремленіе видѣть въ сознанныхъ и несознанныхъ идеяхъ, слѣдовательно, въ высшихъ формахъ нервного возбужденія, главнаго двигателя исторіи“ ²⁾). За каждую изъ этихъ трехъ теорій историческаго процесса онъ признаётъ весьма различную цѣнность для научнаго пониманія эволюціи человечества, но, сравнивая между собою эти теоріи, онъ находитъ необходимымъ обратить вниманіе на три стороны дѣла: 1) на сравнительно болѣе или менѣе раннее появленіе трехъ упомянутыхъ потребностей, 2) на болѣе или менѣе ихъ частое повтореніе въ жизни и мысли человѣка и 3) на болѣе или меньшую необходимость эволюціи ихъ послѣдовательныхъ фазисовъ ³⁾). Все это, дѣйствительно, важныя соображенія, рѣшающія вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. По вопросу о болѣе или менѣе раннемъ появленіи трехъ упомянутыхъ потребностей Лавровъ высказывался въ томъ смыслѣ, что человѣкъ уже отъ сво-

¹⁾ Тамъ же, стр. 45.

²⁾ Тамъ же, стр. 47.

³⁾ Тамъ же, стр. 49.

ихъ зоологическихъ предковъ унаслѣдовалъ ихъ всѣ, такъ что приходится признать ихъ мало уступающими одна другой въ качествѣ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій. Другое дѣло—степень повторяемости побужденій, обусловливаемыхъ этими тремя потребностями; въ этомъ отношеніи, конечно, потребность въ пищѣ безусловно преобладаетъ надъ двумя другими, а потому „экономическіе мотивы во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими“¹⁾. Тѣмъ не менѣе Лавровъ и здѣсь совѣтуетъ не забывать, что за борющимися группами прогрессивной, консервативной и реакціонной интеллигенціи идутъ другіе общественные элементы, очень часто лишь по привычкѣ или по аффекту, и что въ самихъ группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическіе иногда преобладаютъ надъ экономическими, а тѣ или другіе въ иныхъ случаяхъ уступаютъ первенство побужденіямъ идейнаго свойства²⁾. Что касается, наконецъ, большей или меньшей необходимости эволюціи послѣдовательныхъ фазисовъ трехъ разсматриваемыхъ потребностей, которая равнымъ образомъ должна опредѣлять относительную ихъ цѣнность для научнаго пониманія исторіи, то Лавровъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе идейной эволюціи, потому что,—говоритъ онъ,—только въ этой области проявляется еще одинъ историческій двигатель, именно „мотивъ неизбѣжныхъ логическихъ послѣдствій“. Дѣло въ томъ, что всякое понятіе вызываетъ роковымъ, логическимъ процессомъ появленіе новыхъ понятій независимо отъ того, совпадаетъ ли развитіе этихъ логическихъ фактовъ съ экономическими и полити-

¹⁾ Тамъ же, стр. 51. Поэтому Лавровъ даже рекомендовалъ искать объясненія политической исторіи прежде всего въ интересахъ экономическихъ, хотя и оговаривался при этомъ, что „каждое гипотетическое объясненіе этого рода не можетъ еще считаться фактическимъ и что вѣроятность его должна быть строго проверена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“, стр. 52.

²⁾ Между прочимъ, Лавровъ ссылается на многочисленные примѣры разнаго рода коллективныхъ увлеченій, изъ которыхъ совершенно исчезаетъ всякій расчетъ какихъ бы то ни было реальныхъ интересовъ экономическихъ или политическихъ, хотя онъ и далекъ отъ утвержденія, будто этотъ элементъ исторической жизни встрѣчается очень часто и проявляется съ большою силой.

ческими интересами людей, въ которыхъ или среди которыхъ эти факты возникаютъ. Въ однихъ случаяхъ новыя понятія совпадаютъ съ интересами вліятельныхъ индивидуумовъ и группъ, въ другихъ случаяхъ между новыми идеями и существующими интересами происходитъ конфликтъ, и въ зависимости отъ всего этого историческое движеніе или ускоряется, или замедляется, но въ концѣ концовъ логика развитія слѣдствій изъ данныхъ посылокъ оказывается неодолимою силой ¹⁾. Такъ называемые проклятые вопросы настойчиво требуютъ своего рѣшенія, и противъ этого не могутъ ничего подѣлать господствующіе экономическіе и политическіе интересы. Подобнымъ идейнымъ теченіямъ Лавровъ придавалъ большое значеніе и въ видѣ примѣра ссылаясь на христіанскую церковь, какъ на такую самостоятельную силу, которая сама вызвала цѣлыя господствующія формы экономическихъ отношеній, политическихъ организацій, философскихъ и эстетическихъ продуктовъ ²⁾.

Итакъ, у личности есть три группы потребностей, дающія въ жизни общества начало явленіямъ экономическимъ, политическимъ и идеологическимъ. Это—потребности въ пищѣ, въ безопасности и въ нервномъ возбужденіи. Всѣ эти три рода потребностей одинаково древни въ жизни человѣчества, но если изъ нихъ первой принадлежитъ несомнѣнное первенство въ смыслѣ болѣе частой повторяемости, то въ смыслѣ необходимости эволюціи послѣдовательныхъ фазисовъ побѣда остается за третьей. Этотъ послѣдній элементъ всегда особенно и интересовалъ Лаврова. Поэтому и его социологія имѣла не экономическую и не политическую, а психологическую основу. Этимъ опредѣляется и его отношеніе къ экономическому матеріализму, который стремится сдѣлаться всеобъемлющей социологической теоріей, совершеннаго игнорируя личность и вліяніе ея внутренняго міра на внѣшніе процессы жизни человѣчества ³⁾.

На этомъ мы и кончимъ. Моей задачей не было раз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 55.

²⁾ Тамъ же, стр. 58.

³⁾ Объ отношеніи Лаврова къ экономическому матеріализму см. упомянутую мною статью „Новый историко-философскій трудъ“.

смотрѣть всѣ сочиненія и всѣ стороны ученія Лаврова. Напротивъ, я нарочно выдѣлилъ изъ всего того, о чемъ онъ писалъ, только одну сторону, его „теорію личности“, отдѣльныя части которой разбросаны по разнымъ сочиненіямъ. Какой бы хоть сколько-нибудь обширной темы ни касался онъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, всегда большею частью онъ ставилъ вопросъ: „А какъ слѣдуетъ объ этомъ думать по отношенію къ личности, къ ея развитію и къ ея роли въ обществѣ“? Это—центральный пунктъ всего мышленія Лаврова и ключъ къ пониманію постановки имъ многихъ теоретическихъ вопросовъ. Лавровъ былъ первымъ русскимъ соціологомъ и оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшее движеніе научной мысли въ области соціологіи. Его „антропологизмъ“ отразился на соціологіи общимъ ея психологическимъ и этическимъ характеромъ, который и придавъ отличительную окраску такъ называемой русской субъективной школѣ въ соціологіи. О ея первой по времени теоріи слишкомъ мало писали, чему, конечно, были свои причины, и, разумѣется, нельзя не пожелать, чтобы рано или поздно,—и, понятно, лучше раньше, чѣмъ позднѣе,—философскія сочиненія Лаврова, разбросанныя по старымъ журналамъ, были собраны вмѣстѣ и тѣмъ самымъ сдѣлались болѣе доступными и для читающей публики и для критики ¹⁾).

¹⁾ Въ предисловіи къ настоящему изданію указано, что это пожеланіе начинаетъ исполняться, а въ примѣчаніяхъ къ стр. 32, 35 и 57 отмѣчено, какія именно работы уже переизданы, кромѣ «Историческихъ Писемъ», тоже имѣющихся въ новыхъ изданіяхъ.